

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

ным комментарием. Автор дополнительного комментария Ван Сянь-цзинь).

4. 全漢三國晉南北朝詩 上冊 丁福保編 北京 中華書局, 1959, с. 2. (Антология поэзии обеих династий Хань, Троецарствия, династий Цзинь и Нань бэй чао. Составитель Дин Фу-бао).
5. В.М.Алексеев. Китайская литература. М., 1979, с. 163.
6. A.Wylie. Translations from the Chinese. NY, 1941, p. 36.
7. Река Фэнь протекает на территории провинции Шаньси.
8. В тангутском переводе река называется 译 蘇 訶 訶 訶^I, тогда как в китайском оригинале - река Фэнь. В переводе на русский язык мы даем приблизительную русскую транскрипцию тангутских иероглифов, которая заключена в < > скобки.
9. Автор выражает искреннюю благодарность канд. филол. наук М.Е. Кравцовой за консультации по китайской поэзии.

В.В.Кувев

ПОЭМА ХУШХАЛЬ-ХАНА ХАТТАКА "СВАТ-НАМА" КАК АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Имя Хушхаль-хана Хаттака сына Шахбаз-хана по праву может быть поставлено первым в списке лучших представителей паштунской поэзии. Он принадлежал к числу самых образованных людей своего времени, был самой крупной и яркой фигурой во всей истории афганской литературы и, кроме того, одним из видных политических и военных деятелей. Будучи вождем хаттаков, одного из крупнейших паштунских племен, он распространял свое влияние и власть на соседние племена, выступал за их объединение в борьбе против иноземного владычества и порой добивался создания таких союзов. Он обладал познаниями в политике и военном деле, в экономике и торговле, в разных областях искусства, был автором огромного дивана, нескольких поэм и прозаических сочинений по истории, этике, медицине, охоте, религии, каллиграфии.

Неудивительно, что Хушхаль-хан привлекал к себе внимание многих исследователей. В различных по жанру и объему работах ими выявлены факты его биографии, осуществлен литературоведческий анализ его произведений, но далеко не всегда посвященные Хушхаль-хану труды могут претендовать на достаточно полное освещение многогранной деятельности Хушхаль-хана на основании его собственного творчества. Это в особенности относится к характеристике его как

личности, как человека, который при всех его талантах и высоких достоинствах не был чужд простых человеческих слабостей, сомнений, переживаний, противоречивых чувств и поступков, что находит выражение в его сочинениях и рождает у читателя сочувствие, симпатию, но порой и неприятие.

О событиях своей жизни Хушхаль-хан рассказывает, обнаруживая всю полноту своих чувств, во многих стихотворениях дивана, особенно – в касьдах. Весьма интересна для его биографии поэма "Сват-нама", которая до ее публикации в Кабуле в 1980 году была недоступна большинству писавших о поэте и поэтому не использовалась в качестве источника в исследованиях о нем, в многочисленных статьях, в докладах, прочитанных на юбилейных семинарах и опубликованных в сборниках и журналах. Те сведения, которые сообщает о себе автор поэмы, представляют собой не столько факты, события, сколько его отношение к ним и к участвовавшим в них людям. Круг этих людей широк: от родственников и соратников до идейных, политических и военных противников, поскольку Хушхаль-хан пишет о своей политике в племенах и о взаимоотношениях с Могольскими императорами, о диспутах с богословами и о своей женитьбе.

"Сват-нама" была написана в последний период жизни Хушхаль-хана и в большей или меньшей степени касается всех трех этапов его биографии: периода лояльного отношения к могольской власти (1641–1664), тюремного заключения в Индии (1664–1669) и периода вооруженной борьбы против могольского владычества (1669–1689). Высказывались в литературе разные суждения по поводу мотивов, которые привели Хушхаль-хана на могольскую службу. Одни полагали, что влиятельный хан был нужен императорам Шах-Джахану и Аурангзебу, чтобы через него распространять свою власть на паштунские племена, другие видели в его служении Моголам прежде всего личную заинтересованность Хушхала, иные высказывали мнение, что он сам стремился использовать расположение к нему Моголов и отчасти их военную силу с целью объединения племен и их усиления. Из сочинений Хушхала явствует, что действовали все эти мотивы, но преобладающим был последний, хотя немалую роль играла и жажда собственного возвышения (которую испытывали и его предки в нескольких поколениях), невзирая на то, что эта служба вызвала отвращение у него самого и презрение к нему со стороны некоторых племен. Признавая все это в поэме, он пишет о том, как после несправедливого обвинения, ареста и длительного тюремного заключения в Индии он полностью переменяет свою позицию по отношению к Моголам, в немалой степени руководствуясь при этом чувством мести и ненависти к императору Аурангзебу и его приближенным, и выступил против них

с оружием в руках:

"Я ел соль моголов в течение шести поколений,
устроил себе у них золотое кресло.
Моиими подданными были юсуфзаи, все хаттаки,
какое было сомнение в почете и уважении ко мне?
Я рубился мечом за моголов,
очень бранили меня за это паштуны:
и оракзаи, и бангаши, и юсуфзаи -
все были в горе от моего меча.
Я убил тысячи паштунов,
их головами нагружали ослов и волов,
до сих пор есть склады их голов,
есть башни из них в Аттоке, Пешаваре".

(Средства, которыми Хушхаль добивался объединения паштунов с установлением центральной власти при превосходстве хаттаков над другими племенами, с помощью оружия, отличались не меньшей жестокостью, чем у его предшественников, и, несмотря на то, что это было вполне в духе времени и представляется естественным - и юсуфзаи порицали его не за массовое уничтожение людей вообще, а потому, что подверглись ему именно они, - все же удивляет, как мог человек с тонкой поэтической натурой, ценитель прекрасного, проповедник этических норм, знаток музыки, искусства миниатюры, каллиграфии, шахматной игры, спокойно и даже несколько бравируя, рассказывать в своих произведениях о массовых убийствах не только врагов, но и соплеменников).

"Я был закован в кандалы в годы правления Аурангзеба,
пострадал невинный и безгрешный,
три-четыре года пробыл в тюрьме Аурангзеба;
когда бог освободил меня, мне не терпелось отомстить.
Жизнь с моголами была для меня подобна огню,
в общении с ними мой цвет стал черным, как уголь,
должность у моголов не по воле моей была на моей шее,
можно сказать, что это был не чин, а жгучий огонь.
Теперь я сам забросил огонь во дворец Аурангзеба.
Мои союзники: Дарйа-хан - перстень на моем мизинце,
Аймаль-хан - край моей чалмы.
Сегодня я стою за честь всех паштунов.
Теперь, когда я, седобородый, стал паштуном,
Не сотвори меня, о боже, вновь моголом.
Опять станут порицать меня паштуны,
Если я опозорю их пустой болтовней.

Я не за себя и не за кого-то - за честь воюю,
благодарение богу, что опоясал меня мечом,
который прославлен в мире:
ежедневно новые победы,
ежедневно похороны моголов,
от Кабула до Аттока, в горах и на равнине
склады могольских голов".

После такого объявления новой политики и пропаганды успехов в битвах против моголов благодаря союзу, заключенному с момандами, афридиями, оракзаями, Хушхаль призывал и юсуфзаев примкнуть к этой группе племен, - именно с этой целью он предпринял поездку в Сват, где провел около семи месяцев, вступив в пределы области 30 июля 1675 года - и поначалу с оптимизмом ожидал и этого союза:

"Раз я живу в этом мире, судьба помогает мне:
юсуфзаи отказываются от привычек раскола,
семь месяцев я проездил по Свату,
все принесли твердую клятву,
малики выполняют обещание,
все вместе с войском приходят в движение.
Я сделаю Атток границей моголов,
от конца до края освобожу от них царство.
Но если юсуфзаи изменят мне в этом деле,
прощайте, я отвернусь от них.
Есть союз с Аймаль-ханом и Дарйа-ханом,
Хушхаль стоит за этот союз.
Дело паштунов будет улучшаться с каждым днем,
а дело моголов [надо решить] сегодня же, не завтра".
На стороне Хушхали были и некоторые другие племена:

"В этом деле, когда бьются мечами,
Пусть момандские матери не теряют сыновей,
пусть будет милость шинварам, афридиям,
пусть будут благословенны сафи, гильзай.
Когда моголы устроили засаду в Джагдалаке,
гильзай охотно взяли за мечи.
Из хаттаков сто тысяч выступили,
Все остальные хаттаки пока бесполезны".

Не все племена объединялись в эти годы с хаттаками, в том числе и те, которые прежде были с ними в союзе:

"Презренье оракзаям и бангашам,
горько мне из-за этих племен".

Что касается юсуфзаев, то

"усуфзаи, хотя и не взяли за мечи,
участвуют в общей суматохе".

Из этого стиха явствует, что надежды Хушхаля не сбылись и усуфзаи отказались от участия в военных действиях. Семь месяцев усилий не принесли желаемого результата. В десятках последующих бейтов (по-видимому, большая часть поэмы составлялась постепенно, как дневник, и поэтому последовательно передает меняющиеся ситуации и отношение к ним автора) Хушхаль клеймит коварство и лицемерие усуфзаев, которые обманывали его обещаниями, и обвиняет их в таких пороках, как стяжательство, низость, заносчивость, подоби-страстие, торговля рабами и другие. Особенно резки его выпады в адрес мулл, шейхов и других духовных лиц, в результате чего он не только не добился успеха в переговорах, хотя и получал устные обещания поддержки, но и нажил себе врагов среди этих религиозных деятелей.

В выражении социальных и религиозно-этических взглядов Хушхаля показательны те места сочинения, где проявляется его отношение к представителям местной светской и религиозной власти. Он называет ханов и маликов ослами, шейхов и богословов считает невеждами, а самых авторитетных из них: Абдала, Хамзу, Тали, Качу - соответственно злобным псом, живущим на подачки деревни; носителем ожерелья из всех мирских грехов; горшком каши; джецом. Но главный религиозный авторитет миан Нур "хуже всех", а два его муфтия в Свате - "ничтожества", которые "издадут фетву в тот же миг, если миан Нур разрешит мясо кабана". Невежды утверждают себя ахундами, лишь прочитав элементарные пособия "Канз ад-дакаи" и "Мухтасар ал-Кадури", не постигнув их тонкостей.

Хушхаль, и ранее бывший хорошо знакомым с сочинениями Дарвезы, которые весьма почитались в Свате, находит теперь в них не только стилистические и грамматические огрехи, о чем он писал и прежде, но и ошибки в изложении арабских источников, искажение содержащихся в них положений.

Большой интерес представляет та часть "Сват-нама", в которой повествуется о диспутах между автором и последователями Дарвезы, мианом Нуrom, о переписке с ним. В одном из диспутов Хушхаль обвинил его участников в том, что они вслед за Дарвезой оправдывают действия Езида, убийцы Хусейна, и даже прославляют его. Разгневанные и перепуганные, они обратились к Нуру, и тот вызвал Хушхаля на новый диспут, в котором поэт, по его словам, одолел противника, доказав перед всеми его невежество. Исключительно живо описание этих сцен с их антуражем, диалогами, чувствами,

которые владели спорщиками.

Перед началом второго диспута Хушхаль сделал, так сказать, заявление о своем правоверии: "Я признал веру Мухаммеда, да и как можно признать другую книгу, кроме Корана? Дарвеза ни муджте-хид, ни имам.

По вере я - чистый суннит,
я занимаюсь искоренением рафизитства,
я признаю потомков пророка,
а также приемлю всех имамов.

Проклятье деяниям презренного Езида,
который причинил зло роду пророка..."

В заключительной части поэмы Хушхаль осуждает благоприятное отношение ряда паштунских племен к рошанитству, распространение этого движения среди них и влияние его ветви "исайи" на юсуфзаев. По его убеждению, успехи и Дарвезы, и рошанитов были возможны благодаря "темноте и невежественности" юсуфзаев, которых смогли повести за собой "полуграмотные ахунды". Как крупный феодал, Хушхаль поражается принятому у юсуфзаев обычаю "веша" - регулярного передела земель среди членов племени. Его раздражает соблюдаемое при этом равенство независимо от социального положения: "Если есть у малика три родных брата, то делится все отцовское поле: одна часть малику, три - другим".

Хушхаль восторгается прекрасной и богатой природой Свата, который он сравнивает с Кашмиром; его пейзажами, флорой и фауной, историческими и архитектурными памятниками, но с отвращением пишет о запущенном состоянии некоторых селений, с чем связан и маленький штрих в его жизни там: "У юсуфзаев очень грязные дома, скверные, зловонные, как постоянные дворы, в Свате обилие блох и комаров, что уж говорить о клопах и клещах. Там от клещей у меня была дважды лихорадка, все тело покрывалось волдырями".

В связи с этой поездкой в Сват Хушхаль вспоминает давнее - еще при Шах-Джахане - посещение этих мест, когда он сосватал себе и получил там в жены дочь юсуфзаевского хана Мало сына Исмаила из рода баизи, которая в 1634 г. родила сына Садра, будущего поэта. То путешествие не было сопряжено с выполнением столь сложной миссии, как теперь, и позволяло уделять время развлечениям: "Три вещи запечатлелись у меня в памяти сердца, а все прочее унеслось, как ветер: первое - тесть, в присутствии которого состоялась свадьба, другое - аромат нарциссовых лугов, третье - охота. Малохан устроил свадебные дела к моему удовольствию, дал мне в жены мать [будущую] Садра".

Поэма "Сват-нама", в отличие от лирических стихотворений Хуш-халя, не отличается высокими художественными достоинствами, она ценна как хроника его пребывания в Свате, сопровождаемая экскурсами в прошлые годы и размышлениями на политические, хозяйственные, религиозные и другие темы.

Источник: Сват-нама дэ Хушхал-хан Хатак. Дэ поханд Абд ал-Хайи Хабиби дэ саризе ау царгандуно сара, дэ Бисмиллах Хаккмал, Муджавир Ахмад Моманд, Насраллах Насир ау Латиф пэ ихтимам. [Кабул], 1358/1980.

М.Ш.Мамедова

РИФМА В ПОЭМЕ "СЕМЬ КРАСАВИЦ" НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Выбранная для настоящего анализа поэма "Семь красавиц", по мнению специалистов, представляет собой вершину художественного совершенства среди всех поэм пентерицы Низами. А вставные новеллы этой поэмы по своей увлекательности, богатству образов, по технике стиха можно отнести к шедеврам мировой литературы.

Рассматриваемая нами новелла об индийской царевне – первая в поэме – является одной из самых больших по объему (509 бейтов). Как показало исследование, текст новеллы насыщен звуковой орнаментацией и изобилует рифменными фигурами. Рассмотрим некоторые приемы игры с конечной рифмой:

Ее (старшей пери – М.М.) румиец и занги как утро – двух цветов,⁵ [первый] дал бой Руму, [второй] утроил пир зангу.

Слово, несущее конечную рифму, поэт ставит в середине первого полустушия с некоторым видоизменением, концевая рифма вовлечена в тройную фигуру: слово-рифма занг и слово занги в первом полустушии составляют фигуру перенесения конца к началу, суть которой заключается в том, что слово, замыкающее бейт, возникает уже в начале или в середине бейта. Но повтор выполнен в его условленной модели: он соединен с фигурой таджнис – основанной на омонимах, так как занг в конце употреблено в значении звон, колокол, а в начале бейта – в значении зинджи, чернокожий. Рифмующиеся слова ранг – занг по своему графическому изображению отличаются лишь одним диакритическим знаком, что в свою очередь составляет фигуру таджниси хатт – графический таджнис. Заметим также, что основную рифму поэт дополняет во втором полустушии внутренней